

ТАМАРА КУПРИНА

БЫЛО У МАТЕРИ ПЯТЬ СЫНОВЕЙ

Она стоит посреди небольшой, чисто убранной комнаты, где ничего лишнего — только её кровать, деревянный стол, стул да шкафчик для пожитков старого человека. Напротив кровати на стене в чёрной рамке — пять фотографий.

В белом платочке и тёмном одеянье — типичном наряде пожилой русской женщины — она стоит, горестно сложив ладони на груди, и слёзы наполняют её глаза. Я смотрю на её изборождённое морщинами желтоватое лицо. Время и неоднократно пережитое горе оставили на нём свой неизгладимый след.

С любовью и тоской смотрит она на фотографии мужа и четверых сыновей в общей рамке на стене, могилы которых разбросаны в разных местах, куда она не может пойти, чтобы поплакать на них, этих могилах, ибо они ещё не найдены, кроме одной.

Она смотрит на эти дорогие сердцу фотографии и дрожащим от слёз и слабости голосом говорит:

— Вот они, мои...

Подступившие к горлу слёзы не дают ей закончить фразу...

...Жила до войны в шацком селе Тарадеи Рязанской области большая дружная семья колхозного бухгалтера Ивана Ефимовича Лёвина. У него и его жены Марфы Кузьминичны было пять сыновей: Николай, Иван, Василий, Александр и Пётр. Через каждые два года рождались у Лёвиных мальчишки. Ребята, как и родители, были весёлые, общительные, трудолюбивые. Сама Марфа Кузьминична в восемь лет осталась сиротой и была рада, что достались ей хорошие свекор со свекровью: любили они её мальчишек и жалели беспредельно. Была Марфа Кузьминична в молодости весёлой, заводной, любила петь и плясать. Видно, и ребята в неё удались — такие же шустрые, статные да красивые.

— Они у меня незряшние были, — вспоминает Марфа Кузьминична. “Незряшние” — так принято в народе говорить о толковых людях. — Не драчуны, не пьяницы. Никто никогда на них не жаловался. Все послушные были... Идёт мой весёлый Васенька, — светлая улыбка озаряет её лицо, — со всеми поздравляется: “Здравствуйте, тётеньки! Здравствуйте, дяденьки!” Поздравляется с любой старушкой. Возьмёт её под руку да пройдёт с ней по улице. А старушки смеются: что ты, мол, нас, старых, так ублажаешь?..

Лицо её вдруг помрачнело, и она, всхлипнув, произнесла:

— Вся улица плакала, когда погиб он...

— До войны мы хорошо жили, — продолжает свой рассказ Марфа Кузьминична. — Я в колхозе звеньевая была. Да своё хозяйство немалое. Корову держала... Скорей дома управисься: нужно помыть, покормить ребятшек —

и на работу. Когда садик открыли в селе, полегче стало: малых стала водить туда... Дом наш у реки стоял. Сад у нас был, — восхищённо загораются её сразу помолодевшие глаза, — ох, и красота! Как сад зацветёт, да сирень с черемухой... Всё — война! — оборвала она внезапно свои воспоминания. На приятные воспоминания о безмятежных вёснах довоенной жизни словно навалились чёрные тучи злых бед, причинённых войной.

— Когда Саньку, который у меня с 26-го года, забирали, — снег ещё был. Бросил он свою школьную сумку и давай сирень раскапывать да вокруг усады бы сажать. “Приеду, — говорит, — всё зацветёт...”

Она, вновь горестно всхлипнув, упавшим голосом произносит:

— Всё цветёт, а их нет...

Все пятеро братьев Лёвиных закончили в Тарадеях семилетку: трое — до войны, двое — позднее.

— Бывало, соберёмся вечером, — продолжает мать свои воспоминания, — мой хозяин скажет: “Вот подрастут ребята — старшему дом поставим тут, второму — там, а Саньке, — мать смеётся тихо, светло и доверчиво, — Саньке дом поставим, где капуста...” — и тут же поясняет: — Он уйдёт, бывало, с балалайкой в огород, спрячется в капусте, играет да сам себе подпевает. Соседи соберутся, слушают... Весёлый был. Они у меня все весёлые были и все на инструментах играли. А вот Ваня — тот больше чертил...

Мастеровыми да ловкими были братья Лёвины. Своими руками балалайку, мандолину да гитару смастерили. Сами же на них и играли. Сами и фотоаппарат собрали да первую фотокарточку отпечатали. Я видела этот пожелтевший от времени любительский снимок, на котором запечатлён их отец. Он стал одной из самых дорогих реликвий в семье Лёвиных...

Коньки да лыжи тоже собственными руками делали.

Василий — самый ловкий и находчивый, ставший впоследствии разведчиком, — вместе со своими братьями был заводилой во всех спортивных играх.

Умели веселиться братья Лёвины, но не меньше того умели и работать. Да и было в кого: отец у них работающий. И всем сыновьям находилось дело. Колхозный сад, раскинувшийся на 40 гектарах, и питомник нуждались в рабочих руках. И братья работали в садоводческой бригаде.

Двое старших, повзрослев, покинули родительский дом.

Николай к началу войны проживал в городе Кандалакше Мурманской области, где работал строителем. И первым из большой семьи Лёвиных был призван в ряды Красной армии.

— Придёт мой хозяин, — вспоминает Марфа Кузьминична, — скажет: “Нынче Кандалакшу бомбили”. А у Коли там жена и двое детишек остались. Потом они к нам приехали. А внучок-то по дороге простудился да помер. Девочка осталась, внучка моя. Сейчас в Челябинске живёт. Двое детишек у неё...

Недолго приходили в дом Лёвиных треугольные письма от старшего сына: в октябре 41-го Николай Иванович Лёвин пропал без вести. Последнее письмо от него пришло из-под Ленинграда.

И проводила мать на войну второго сына — девятнадцатилетнего Ивана. Его отправляли из Москвы, где он работал в отделе авиационного снабжения.

Потом пришёл черёд весёлого Василия, окончившего Шацкое училище механизации, затем — отца, Ивана Ефимовича. И последним проводила мать из родного дома четвёртого своего сына — балалаечника Саню. Прямо со школьной скамьи ушёл он драться с гитлеровцами.

Тихо да пусто стало в некогда шумном доме Лёвиных. Остался с матерью тринадцатилетний школьник Петя — её последний “мизинчик от всей пятерни”. Вместе с матерью пережил он и голод, и холод военных лет. Вместе с матерью читал письма от братьев и отца.

Вот они, эти солдатские треугольники, пожелтевшие от времени, потёртые на сгибах. Солдатские письма, написанные наспех, простым карандашом, в короткие часы привала, в редкие промежутки между боями. Письма, полные тревоги за близких...

“...Мама, я жив и здоров, как и прежде. Мама, прошу, сообщи мне, что у вас нового. Я беспокоюсь за вас... Мама, опиши, какое Ваше здоровье...”

Ваш сын Николай”.

“Здравствуйте, многоуважаемая супруга Марфа Кузьминична. Шлю Вам привет и желаю Вам всего наилучшего в жизни. Ещё кланяюсь сыночкам Александру Ивановичу и Петру Ивановичу... Опишите, как ребята, где находятся, кого после меня взяли в армию. Дают ли вам хлеба из кооперации? Кто работает в конторе колхоза?

Затем до свиданья.

Жив, здоров на сегодняшний день. 6.11.42 г. И. Е. Лёвин”.

“Добрый день или вечер! Здравствуйте, многоуважаемая мамаша Марфа Кузьминична... Вам кланяется Ваш сыночек Саня и желает быть здоровыми на всю жизнь... Мама, письмо я Ваше получил, за которое благодарю. Но жаль, что не узнал о Васе, где и как его ранили, – сильно или нет. Я живу хорошо...

27.1.43 г.”

Так стало в семье Лёвиных пятеро солдат. И о каждом болит материнское сердце. Ждёт – не дожждётся маленьких треугольников с фронта. Проклятая война оторвала мужа от жены, детей от матери, исковеркала человеческие судьбы. Две похоронки получила в 1943 году Марфа Кузьминична: погиб муж Иван Ефимович и второй сын, старший лейтенант Иван Иванович Лёвин.

А с фронта средний брат писал четвёртому:

“Живу по-фронтовому. Был на передовой. Уничтожал немецких наглецов. Мстил за любимых братьев Колю и Ваню. В настоящий момент нахожусь на отдыхе. Готовлюсь к предстоящим боям, чтобы отомстить врагу за братьев, за любимую Родину... Саня, изучай лучше оружие и никогда не забывай о братьях. Мсти всегда и всюду Гитлеру и гитлеровским варварам...

19 октября 1943 г. Василий Лёвин”.

В 44-м погиб в районе Вильнюса Александр Лёвин, которому едва исполнилось восемнадцать. Вместе с матерью оплакивал младший сын гибель братьев и отца.

И мстил врагу за погибших средний из братьев, разведчик Василий Лёвин. И шли в село Тарадеи Шацкого района на имя Лёвиной Марфы Кузьминичны полные любви и заботы письма от среднего сына:

“Дорогая мама! Об одном прошу: я знаю, что ты сейчас сильно переживаешь, и нет у тебя минуты, чтобы ты не плакала. Но, дорогая мама, прошу, держи себя как можно спокойней. Слезами ты не поможешь, а здоровье своё потеряешь. А всё-таки, дорогая мама, в любых условиях – в трудных или хороших, – но жить Вам придётся.

А жить здоровому человеку намного лучше, чем больному. Я, мама, знаю, очень трудно перенести всё это. Перенести, можно сказать, невозможно. Но, дорогая, ведь ничего не поделаешь. Я сам переживаю... Дорогая мама, не убивайся. Может, в недалёком будущем увидимся, и глядишь – папа отыщется и придёт... Дорогая мама, я был на передовой, а сейчас нахожусь на отдыхе. Учится ли Петя? Шлите больше писем. И ты, дорогая мама, будь спокойной и за нас не переживай.

Ваш сыночек Вася”.

Последняя надежда – Василий. И он понимал это всем сердцем. Как горячо он утешал мать! Как заботился о младшем брате! Какие тёплые письма присылал в родные Тарадеи боевой командир взвода разведчиков одной из стрелковых дивизий Прибалтийского фронта Василий Иванович Лёвин, награждённый орденом Славы и трижды – медалью “За отвагу”.

В начале победного сорок пятого прислал он из далёкой Пруссии свою фотокарточку, где запечатлён храбрым командиром с орденом Славы на груди. Как радовалась мать! Счастливый Петя бегал по соседям и родственникам, с гордостью показывал фотографию друзьям и знакомым... Однажды, вернувшись домой с дорогим снимком в руках, он застал мать лежащей на пороге, с зажатой в руках похоронкой, – и сразу всё понял.

Вот она – эта последняя похоронка, более чем полувековой давности, адресованная матери – Лёвиной Марфе Кузьминичне, в которой сообщалось: “Ваш сын Лёвин Василий Иванович 22 февраля 1945 года в боях за социалистическую Родину пал смертью храбрых. Воины части, где служил Ваш сын, поклялись отомстить немецким бандитам за его смерть. Майор Жежелев”.

– Как прислали похоронку на последнего, я иду – ничего не вижу, только держу голову руками. Голова болела – сил нет. Только лежать могла. Жить

не хотела. Да врач хороший попался. “Будешь жить, — сказал. — Будешь с Петенькой поживать”. — Она помолчала. Мысли её были далеко-далеко, в том прошлом, где остались жить, сражаться и умирать её сыновья: — Товарищи Василия письмо прислали с фронта. Пишут, мы отомстим за него, такого веселого, любимого нашего товарища — Василия...

Выстояла Марфа Кузьминична. Пережила своё чёрное горе. Поднялась. Каждый день с раннего утра до позднего вечера работала в колхозе: просо полела, рожь косила, снопы вязала и убирала картофель. Да и домашние дела нужно было делать. Младший сын Петя был рядом, ради него нужно было жить...

День Победы! Как встретили его в когда-то многолюдной семье Марфы Кузьминичны Лёвиной? Вместе с сыном Петром она радовалась, что пришёл конец кровопролитной войне. Но ещё долго не могла поверить мать, что нет в живых её сыновей и мужа. Всё ждала, что кто-нибудь придёт. Всё надеялась: кто-то вернётся...

В Шацке на базаре за одним солдатом долго следом ходила. Он даже спросил: “Мать, ты чего всё за мной ходишь?” — “Уж больно ты на сына моего, Васеньку, похож”.

Шацкое село Тарадеи, как и многие другие села, отмечено горькой метой войны. Каждая семья здесь потеряла на фронте одного или нескольких мужчин. Осталось после войны в селе много солдатских вдов с ребятишками.

... Стоит в центре села памятник-обелиск, пронзительной стрелой взметнувшийся в небо, увенчанный пятиконечной звездой — символом вечной памяти о павших. У подножия памятника — плиты с именами тех, кто погиб. Жители села Тарадеи приходят сюда, чтобы почтить память 370 своих односельчан, чьи фамилии высечены на каменных плитах. Некоторые из них повторяются, словно многократное эхо — эхо минувшей войны. На одной из плит пять раз повторена фамилия Лёвиных.

... Часто снятся матери её сыновья, но почему-то маленькими.

Бегают они по цветущему саду и барахтаются в реке...

— В шинели никого из них не видела, — губы Марфы Кузьминичны горестно сжимаются. Сложенные на коленях сухие руки неподвижны. — Хорошо, что уехали оттуда. С годами боль сердечная тише.

Да, жизнь берёт своё. В первый послевоенный год в тарадеевском доме Лёвиных поселилась молодая квартирантка — учительница местной школы Елизавета Трофимовна. Вместе с Лёвиными разделила она боль их военных потерь.

Пётр после войны закончил Шацкий техникум механизации сельского хозяйства. Затем учёба во Всесоюзном заочном институте сельского хозяйства. Молодые люди приглянулись друг другу и вскоре сыграли свадьбу. А там и внучки появились у Марфы Кузьминичны: Галя, Люся, Нина. И вновь ожил дом Лёвиных, наполнился звонкими детскими голосами и смехом. Отогрели они застывшее сердце матери.

В 1957 году инженер-механик Пётр Иванович Лёвин был переведён на работу в Елатомское профтехучилище № 3. Вместе с его семьёй переехала в Елатьму и Марфа Кузьминична.

Радовал последний сын. Пётр Иванович Лёвин работал старшим мастером в системе профтехобразования. Последние годы возглавлял Елатомское СПТУ № 23. Получил звание “Заслуженный мастер профтехобразования РСФСР”. Он словно выполнял наказ своих старших братьев и отца, незримо завещанный ему погибшими. И только сожалел о том, что неизвестны места их захоронения.

И вот однажды Лёвины получили весточку из села Большая Игуменка, что в семи километрах от Белгорода. Красные следопыты местной школы сообщили, что в их селе в братской могиле покоится прах старшего лейтенанта Ивана Ивановича Лёвина, сражавшегося против гитлеровцев в составе 81-й гвардейской стрелковой дивизии и погибшего в боях за их село 11 июля 1943 года. Со слов родителей дети пересказали, как жители Большой Игуменки после боя вернулись в разрушенное село, где не осталось даже печных труб, как они хоронили в братской могиле погибших советских солдат. Это было в районе знаменитой Курской дуги.

Как же узнали ребята адрес Лёвиных?

Однажды они получили письмо из Сибири от инвалида Великой Отечественной войны, бывшего командира миномётной батареи Романа Яковлевича Лесникова. В своём письме он сообщил, что сражался за их село, и спрашивал, как школьники ухаживают за братской могилой, в которой покоится прах его боевого друга Ивана Ивановича Лёвина.

Автор письма сообщил примерный адрес погибшего друга и просил красных следопытов написать письмо его родным. Ребята выполнили наказ ветерана, и началась переписка родственников погибшего с белгородскими ребятами. И с имени Ивана Ивановича Лёвина началась летопись Большеигуменской восьмилетней школы.

В декабре 1983 года Пётр Иванович Лёвин побывал в этом белгородском селе, за которое отдал жизнь один из его братьев. Прошёл по местам боев. Перечитал летопись, составленную юными следопытами. Узнал, что в ходе битвы за их село к вечеру того дня, когда погиб старший лейтенант И. И. Лёвин, наши бойцы вывели из строя 23 вражеских танка и уничтожили 3500 немецких солдат.

И вот он с обнажённой головой стоит у братской могилы, где покоятся останки его брата.

Директор школы сделал на память снимки.

Пётр Иванович взял горстку земли, обогрённой кровью советских солдат, отдавших жизни за нашу любимую Родину, земли, за которую воевал и на которой погиб его брат – старший лейтенант И. И. Лёвин. Привёз младший сын эту землю своей матери.

Полегчало немного на её горестном сердце: горстка земли впитала и её материнские слёзы...

Не должно быть на нашей земле неоплаченных безымянных солдатских могил! Может, придут ещё весточки о могилах мужа и других сыновей Марфы Кузьминичны?... Может быть... Жаль только, что время беспощадно. Совсем немного не дождала до светлого праздника 40-летия Победы Марфа Кузьминична Лёвина. На 86-м году жизни перестало биться многострадальное сердце Матери.

Мы проводили её в последний путь со всеми скорбными светлыми почестями, с думой о том, что изболевшаяся душа её обретёт наконец-то покой, соединившись в неведомых нам мирах с душами погибших за Родину сыновей.

Рязанская область